МЕЧТА О НОВОМ МИРЕ

ГЛЕБ САМОЙЛОВ В ГОСТЯХ У «ЗАВТРА»

"ЗАВТРА". Глеб Рудольфович, хочется начать с названия твоего нового проекта "Глеб Самойлоff &The Matrixx"". Мы уже отмечали, что исторически "Johnny Kidd & The Pirates", "Adam & the Ants", "Sam the Sham & The Faraons" или "Экзич и Затерянные в космосе" — следующие после имени предводителя — "муравьи", "пираты", "фараоны" или "затерянные в космосе" — предполагают некое расширение, соратничество. Здесь же в содержание входит "Матрица".

Глеб САМОЙЛОВ. Честно говоря, название придумали сами музыканты. Я только предложил писать два хх в конце, потому что я большой поклонник сериала "Lexx". Можно сказать, что название ни о чём, так же, как "Pink Floyd" или "Кино". Но и понятно, что "Матрица" отсылает к непростому фильму. В издательстве "Ультра.Культура" некогда вышла книга "Прими красную таблетку" — культурные, социально-политические, философские интерпретации феномена фильма "Матрица", точнее, его первой части. Про остальные говорить сложно — пошла заумь и эксплуатация темы, пожалуй, даже принижение. Первый фильм не был поучительным, назидательным, он был скорее протестным. Возможно, именно этот фильм натолкнул массового зрителя на подозрение, что вокруг что-то или всё не так.

Вообще, тема борьбы с постмодерном постмодернистскими же средствами — очень мне интересна и близка.

"ЗАВТРА". "Глеб Самойлоff & The Matrixx" яростно оппозиционен в отношении окружающего мира. Обычно схожие настроения облекаются в радикальную музыку — панк, блэк-металл, индастриал. "Матрица" же — вполне поп-проект.

Г.С. Это моё осознанное желание. Мне всегда нравилась двусмысленность. В числе моих любимых авторов сегодня — Момус, австралийский проект "Snog". В удобоваримую или модную форму вдруг вкладываются идеи, которые вроде бы с такой музыкой не должны быть связаны. Или же одна из самых протестных песен восьмидесятых годов XX века "First we take Manhattan" Леонарда Коэна сделана абсолютно попсово. На меня это произвело неизгладимое впечатление. Да, можно орать, рычать, кричать, что всё неправильно, а можно спеть. И когда это поётся — в голове возникает ощущение несовместимости, и от этого крышу реально сдвигает, происходит разрыв шаблона.

"ЗАВТРА". Провокация?

Г.С. Именно так. Тот же Мэрилин Мэнсон мог бы эксплуатировать свой имидж, найденный звук, а он меняется. Последний альбом — у меня ощущение, что там главное — стихи, музыка откровенно второстепенна. В поп-обёртке подаются совершенно неправильные для западного общества идеи, мысли и вещи.

"ЗАВТРА". Но ты не отказываешься от лирики?

Г.С. Лирические вещи рождаются сами. Но что бы там ни рождалось — кроме песни "Никто не выжил", ни одна радиостанция ни одной песни с альбома не взяла. Значит, не зря я старался. (смеётся)

"ЗАВТРА". А "Сердце и печень"?

Г.С. Нельзя, потому что там есть про водку. Так нельзя уже и на рок-радио. Понятно, что пресловутый "формат" — это тоже синоним цензуры. Но сейчас получается такой парадокс. Глобально говоря, рок-музыкант всегда пел о том, какой он "плохой". Сейчас же получается, что надо петь о том, какой ты "хороший". Смешно как-то.

Где-то слишком много электроники, хотя "Опиум" — можно крутить — это старые песни, "золотой запас русского рока".

Нам по каждой песне подробно и аргументированно объясняли, почему она не может пойти в эфир.

"ЗАВТРА". Целый концептуальный альбом мог бы получиться, если издать переговоры с радиостанцией. А по какому критерию формировалась программа "Прекрасное жестоко"?

Г.С. Мне хотелось сделать всё максимально откровенно. Перестать писать сказки и назвать вещи своими именами. Выразить свои главные настроения данного периода. Именно поэтому мы играем "Порвали мечту" из репертуара "Агаты Кристи", с этой песни в моём творчестве начался переломный момент. В "Матрице" всё подчинено концепции. Альбом я пишу, как книгу или как спектакль. Если песня мне даже нравится, но чувствую, что она чужда в контексте программы, я её уберу.

"ЗАВТРА". В интервью десятилетней давности журналу "Иначе" ты негодовал по поводу Ницше. Но в подаче "Матрицы" много того, что обычно именуется "ницшеанством"?

Г.С. Многое зависит от личных симпатий и антипатий. Например, я безумно уважаю как визионера, как человека не от мира сего Даниила Андреева, но читать "Розу мира" мне скучно.

Я недавно понял, что мне вредно читать философов, читать идеи — я начинаю теряться: какие из них мои, а какие нет. Отныне я себя специально ограничиваю, чтобы знать, что это мысль моя, а не откуда-то вычитанная. Единственный французский философ, которого сейчас читаю, — это маркиз де Сад.

Поэзия же для меня во многом на Маяковском началась и на нём же и закончилась. Не считая Хлебникова и иже с ним. Ещё в какой-то мере Александр Вертинский. Но Вертинский больше артист, отдельно стихи его читать непросто. В его песнях бывают очень сильные строки. Образы, его любимые контрасты, где идёт лирика, а потом внезапно — чуть ли не бранное слово. Но Вертинский — всё-таки поэт-песенник. То, чем в принципе и я занимаюсь, я не поэт.

"ЗАВТРА". Но в программе "Прекрасное жестоко" стихи играют заметную роль.

Г.С. Я счёл нужным это сделать. После смерти Ильи Кормильцева у меня был период графомании. Думал, говорил исключительно стихами. Написал множество стихов — большая часть дрянь, конечно, такое акынство . Но что-то выразило основные мысли того периода. Стихи, которые я счёл более-менее достойными и нужными, вкраплениями вошли в программу. В следующем альбоме, думаю, стихов уже не будет.

"ЗАВТРА". Глеб Самойлов периода альбома "Декаданс", периода альбома "Майн Кайф" и сегодня…

Г.С. Это разные люди. "Декаданс" — это самовлюблённость и эстетство, "Майн Кайф" — трагичное восприятие действительности, мистицизм. Именно с этого альбома я начал какие-то политические контакты. А сейчас — радикализм.

Хотя можно сказать, что всё это один и тот же человек, но проходящий путь. И как мне кажется сейчас, путь достаточно закономерный.

Когда весь СДК МАИ орёт строки из альбома "Прекрасное жестоко", я чувствую, что жизнь прожита не зря. Или хотя бы альбом не зря записан.

Меня многие обвиняют в том, что я не взрослею. Но для меня это и есть процесс взросления. Группа "Матрица" — это взятие ответственности за каждое сказанное слово. Я просто взросление понимаю не так, как его понимают общественные институты. Взросление — не угасание, равнодушие, скорее это понимание и себя как личности, и своих желаний, и ответственности за то, что ты говоришь.

"ЗАВТРА". Как же тогда получается, что "Маленький Фриц", записанный в двадцатилетнем возрасте, пришёлся кстати именно сейчас?

Г.С. Потому что для меня самого это был очень неожиданный и взрослый альбом, так я его воспринимаю до сих пор. Неожиданный даже тогда, потому как тема Второй мировой войны в таком ракурсе не волновала, кроме фильмов о Штирлице. "Маленький Фриц" был неожиданным тогда. Таким же чудом я его воспринимаю сейчас, и он достаточно органично вписывается в новую программу.

"ЗАВТРА". Но записан-то он был "самовлюблённым эстетом".

Г.С. У меня всегда было какое-то "раздвоение личности". То, что в рамках "Агаты Кристи" я следовал определённым установкам, давало мне безбашенную свободу параллельно группе. Хотя это и случилось два раза во время "Маленького Фрица" и во время не вышедшего альбома "Свистопляска". Сейчас я эту полную свободу снова получил

"ЗАВТРА". Нельзя же сказать, что "Агата Кристи" — это вериги, твои авторские амбиции там полноценно выражались.

Г.С. Так или иначе, это всегда был компромисс. И, возможно, у каждого из нас имелся внутренний ценз, что может быть "Агатой Кристи", а что — нет. Мы чувствовали эту грань. Это было не на политическом или мировоззренческом уровне, но даже на эстетическом уровне. Мы могли спорить, объединяться в альянсы друг против друга. По поводу строчки, песни, музыкального фрагмента. И только когда втроём: Вадим, Саша Козлов и я, — находили компромисс, тогда и получалась группа "Агата Кристи". Это было оправданно. Но наступило время, появилось осознание того, что, может, творческой жизни осталось и не так много, и что пора что-то сказать самому и отдельно.

Я не жалею о том, что произошло. Для меня многое открыто. И это новое, нечто действительно выходящее за рамки рок-концерта. "The Matrixx" — это маленький театр. Декорации, логотип, "pre-show music", что звучит перед концертом.

Я взял срез музыки 20-х-30-х годов: с одной стороны, танцующий мещанин, обыватель, хиты всяческие, с другой стороны — нацистские марши или песни из репертуара Эрнста Буша. Обыватель расслабляется под "Кукарачу", "Рио-Риту", а в это время две уличные культуры решают во многом судьбу мира. Их не замечают, мол, какие-то маргиналы дерутся на улице, одни поют Брехта, другие — "Хайди, хайдо, хайда". По-моему, вполне своевременно и актуально.

И почему в оформлении пластинки — Алексей Беляев-Гинтовт. У него одновременно и орлы маршируют, и звёзды летят. Ну, близкое ощущение...

"ЗАВТРА". Реакция-то может быть совсем непредсказуемой. Сами были свидетелями "зиг" под "Песню Единого фронта"…

Г.С. Можно сделать такое сообщение для поклонников "Матрицы". Если вы слышите песню на немецком языке в мажоре — это нацистский марш, если в миноре — левый марш.

"ЗАВТРА". В своё время была интеллигентская шутка про то, "когда к власти придут люди, слушавшие "The Beatles". Подразумевалось, что они будут сеять "разумное, доброе, вечное". На практике от деятельности реформаторов-"битломанов" страна еле выжила. Нынешний президент — поклонник хард-рока. Недолго уже и до фанатов "Агаты Кристи" осталось. Можешь ли ты предположить, каков будет мир, что будет с Россией?

Г.С. Откровенно говоря, меня интересует "здесь и сейчас". Далеко вперёд я не заглядываю, у меня эгоистичные цели. Я чувствую неудовлетворённость этим миром. Это ощущение с детства, но сейчас оно всё больше утверждается. Раньше я хотел от реальности убежать, сейчас я хочу её менять. А менять её я могу, только воздействуя на людей, которые меня слушают. Или хотя бы их заставлять чувствовать это недовольство. Да, это эгоизм — передавать свой негатив. Но, с другой стороны, я нашёл себе и позитивную миссию — пою для людей, которые чувствуют себя лишними в этом мире. И, наверное, они чувствуют какую-то поддержку и понимание.

"ЗАВТРА". Тренд ушедшего года: возросшая социально-политическая активность музыкантов — кто за лес переживает, кто за амурских тигров, некоторые в маршах участвуют. Все чем-то недовольны или озабочены.

Г.С. У меня претензии к системе в целом.

"ЗАВТРА". А каковы параметры этой системы, в чём её проявления — и на теоретическом уровне, и на бытовом?

Г.С. В царской России я не жил, не знаю, но ничего хорошего из советского прошлого — ту же социальную защищённость — не взяли. Наоборот, востребована показуха и фальшь. Пусть блага в СССР были распределены и понемногу, но они были. Человек работал на страну и понимал, что страна ему отплатит. И люди, которые в большинстве своём и были верхушкой СССР, а впоследствии возглавили новую Россию, наглым образом всех обманули. Обманули мою маму, её коллег. Врачи высочайшей квалификации живут в нищете. Наши правители всё время "экономят", и на ком — на стариках, на малоимущих!

Я понимаю, Греция бунтует: набрали ипотек, а сейчас им говорят — фигня, слишком много ипотек, давайте урезать бюджет. Но в нашей стране всё издевательски сделано. Никаких особых перемен к лучшему не вижу, скорее даже наоборот. Когда говорят про плохие девяностые и хорошие нулевые, меня выворачивает. Не говоря уже о том, что завинчивание гаек гораздо серьёзнее, чем в девяностые. Расстрел Парламента я не беру, потому что это событие вообще из ряда вон выходящее.

Когда я зачитывался Нилусом, то радовался, как всё здорово и просто объясняется. Но, судя по всему, всё куда хуже — таков ход развития человеческой истории. Многие отвратительные вещи оказались созвучны природе человека.

В мире торжествуют бандитские порядки. Поставили бандита — твори беспредел — и отстёгивай наверх, вышестоящему бандиту. И таких бандитов по всему миру или в нашей стране до фига.

Не думаю, что у них существуют планы, стратегии, протоколы. Скорее это такая бессистемная система. Иногда происходит сборище бандитов-начальников, где они договариваются между собой. На "сходках" встречаются, перетирают, выцыганивают своё, решают как бы не обрушить конструкцию, кого показательно наказать, объявить санкции зарвавшемуся, или кому-то вдруг помочь. Квазисредневековье.

Одно время мне хотелось думать, что все против нас. Я читал Проханова и тоже думал: повезут Путина в Гаагу или нет. Сейчас убеждён, что наши власть предержащие — часть мировой системы. То есть дистанция между нами и властью больше, чем между группировками в мировой элите.

Да, у нас крепкая верховная власть, может и нагнуть кого-то из вассалов. Проблема в том, что делается это не в пользу народа, но в пользу других бандитов.

От очередной победы "Газпрома" над Украиной или Белоруссией вам стало легче жить? Или моей маме? А нам регулярно это преподносится как мощная государственная и национальная победа.

"ЗАВТРА". Система шоу-бизнеса тоже включает в себя начальников.

Г.С. Именно поэтому я вне системы шоу-бизнеса.

"ЗАВТРА". Ты рисуешь мрачную картину состояния мира. Что же делать в такой ситуации — терпеть, сражаться?

Г.С. Я считаю, что пребывание в этом мире — это попытка не играть по его правилам, оставаться собой даже в ущерб карьере, статусу, жизни. Я хочу возбудить надежду в своих слушателях, дать мечту о чём-то ином и светлом. Благодаря этому я живу, наверное, это мой главный стимул жить. При всей моей мизантропии — это надежда на то, что может произойти нечто хорошее. Мир может и должен измениться. Может не при нас. Возможно, я мыслю прямолинейно и инфантильно. Но мне кажется, чем больше людей, мечтающих о другом мире, тем больше вероятность его рождения.

Вот Юрий Витальевич Мамлеев как-то в разговоре сказал, что нужно не бороться с системой, а строить свою реальность, и тогда она восторжествует. Мамлеев приводил в пример ранних христиан, которые были маргинальной группой, а стали мировой традицией. Идея создания своей реальности мне очень близка. Но я не согласен, что не надо бороться, это неизбежно.

"ЗАВТРА". На твой взгляд, в русском народе сохранилось чаяние нового мира? Порой считается, что за годы грандиозных исторических катаклизмов в нас уже нет сил для борьбы, для желаний, мы устали.

Г.С. На концерты "Матрицы" приходят подростки, рождённые уже в девяностые годы, и с горящими глазами поют мои новые песни. Или читают бешеные стихи вместе с Алексеем Никоновым из "ПТВП". Я в них вижу надежду. Нас сближает не нигилизм, а то, что благодаря, в том числе и мне, они не чувствуют себя одинокими.

Я существую и действую так только потому, что не могу по-другому. Иначе я был бы действующим политиком или профессиональным революционером, а не просто певцом.

"ЗАВТРА". Есть две позиции созерцания грядущего — чёткая формула, как и что должно быть; или же главное — "зачать ребёнка" — дальше будет видно, параметры не важны?

Г.С. Хм, если бы мне параметры были не важны, я бы не искал идеологий, не общался бы с людьми, не узнавал мнения, не интересовался. Я бы просто констатировал, что всё плохо, и пусть мир катится дальше в пропасть. Я ищу. Поэтому дружу с газетой "Завтра", дружил с Кормильцевым. Мне важны люди, которые думают, у которых есть своё мнение, свои идеи. Меня вот спрашивали: почему ты не ходишь на марши несогласных? Да потому что не вижу там знамени, под которое я готов встать.

Для меня "Завтра" — это люди, которым я верю. Чем был важен Илья Кормильцев — это чутьё. Он верил в честность Александра Андреевича и сходу стал с ним сотрудничать, но не стал печатать ряд людей, близких к "Завтра" по идейным установкам.

"ЗАВТРА". Даже самые честные слова сегодня воспринимаются сквозь призму игры, становятся предметом манипуляции.

Г.С. У Дональда Биссета есть сказка. Восьминожку однажды спросил кузнечик: "Как ты помнишь, какой ногой когда двинуть?". Та задумалась и упала. Мимо проползает сороконожка, та к ней — помоги, как же ты думаешь. Сороконожка отвечает: "Я не думаю, а двигаю, и всё получается". Я, конечно, думал об ответственности и прочем. Но если всё время рефлексировать, то ничего не родишь. И по жизни мне всегда нравились "безответственные" творцы. Например, тот же Маяковский. Или Высоцкий, который мог петь многое, не думая о том, как его воспримут. Мне нравятся все, кто не думал, как отзовётся наше слово. Потому что рефлексия на тему "я повелеваю душами" обрывает энергию, запирает художника.

По поводу утраты силы слова говорили в любые времена. Первые концерты "Матрицы" — я в тишине читал "Идём отрядом на чёрный свет…" Сейчас эти слова мы произносим хором.

"ЗАВТРА". Существуют ли для тебя и "Matrixx" какие-то культурные табу?

Г.С. Творчество там, где нет запретов. Повторюсь, я делаю альбом, как спектакль, как пьесу. Если я чувствую, что в этой пьесе возникает лишняя сцена, я её выкину. Но это не табу, это режиссура.

Мир себе ищет врагов, чтобы жить в страхе. Потому что когда тебе страшно, тобой легче управлять, а многим, увы, это приятно. Сейчас почему психоз идёт по поводу 2012 — отлично, замечательный повод снова испугаться.

Мы осуждаем наркоманию, но вся реклама построена по наркотическому принципу — мир был серым, настроение на нуле, но ты съел конфетку, и всё наполнилось красками, побежали слоны по улицам. Принцип — тебе плохо, принял, тебе стало так хорошо, как не было никогда.

Или детские конкурсы красоты, когда девяти-десятилетних одевают в бикини, и они подражают взрослым, принимают позы. С другой стороны, когда у человека с не очень здоровой психикой на это возникает реакция, его готовы побить камнями. Хотя это же общество своих дочерей поставляет для таких конкурсов. Что это такое?

Россия становится псевдопуританской страной. При том, что разрешён разврат в политике, в бизнесе, в отношении к народу. Но внешне мы соблюдаем приличия. Вот это противно.

Когда я наезжаю на постмодерн, я не имею виду использование цитат, микширование стилей и традиций. Это относится к искусству, пусть будет. Проблема в том, что постмодерн — это явная грань между тобой, твоим пространством и тем, что существует вовне. Я живу здесь, а весь мир существует где-то там. И ты пользуешься не миром, а продуктами изображения этого мира. Мы не переживаем, мы получаем представления, мы получаем картинку. Более того, нам фактически навязывают, как эту картинку чувствовать. А, в основном, получается — на сентиментальном уровне. А сентиментальность — это враг чувств, это замена чувств. Мы смотрим рекламу, там малыш плачет, потому что ему не поменяли подгузник — мы тоже пускаем слёзки, хотя у нашего малыша нет таких проблем. Для меня это величайший обман. И я на своём уровне с этим обманом борюсь.

Беседовали Андрей СМИРНОВ
и Андрей ФЕФЕЛОВ

ОЧАРОВАННЫЙ ПУТНИК

СОЗДАВАЯ НА ЗЕМЛЕ места, напоминающие людям об утерянном рае, Господь обустроил Россию средней полосы с её деревнями. Практически любая русская деревенька, да ещё на бережке реки или озера, или позаботившаяся о прудочке— райское место. И нынешняя война против русской деревни— это война с русским раем.

А город-рай — это Санкт-Петербург, Ленинград. Ненаглядный, налюбоваться на который попросту невозможно. Он таит в себе очарование, передать которое никакими словами, красками, звуками невозможно. Сколько бы ты, не знающий покуда города, ни восхищался строками "Люблю тебя, Петра творенье. Люблю твой строгий стройный вид, Невы державное теченье, береговой её гранит…", увидев город, поймёшь: гений сказал прекрасно, но город — прекраснее слов.

Каждая улица, каждый дом, каждый двор и парадное — очаровывают странников. Даже некая обветшалость и запущенность придаёт шарма и загадочности. Пересекая Сенную площадь, сворачивая к Подъяческим, выйдя в Столярный переулок, нисколько не удивишься, если навстречу тебе явится Раскольников или старуха-процентщица. А, глядя на мосты через каналы, проникаешься уверенностью, что по вечерам на них стоит Настенька из "Белых ночей", ожидая молодого жильца, в которого влюблена. Город хранит живую память о своих героях и персонажах, он как бы ждёт их, оставляя ландшафты и городскую архитектуру нетронутой, чтобы они, вернувшись, нашли свои дома, чтобы не заблудились, возможно, они и живут параллельно с нами, у себя дома.

Зима в России графична: чёрно-белые контуры дорог, деревьев. А безупречные линии зданий дворцов, особняков, мостов и гранитных набережных — и есть рукотворная красота.

К сожалению, человек способен и райскую картинку подладить под своё несовершенство, чему мы всё чаще свидетели. Не первый раз зимой посещаю Ленинград, но не помню такой непролазности: в центре города множество тротуаров не ведали лопатки или скребка дворника. То, что протоптали люди, то им и в помощь. А вот проезжие части — в хорошем состоянии, их чистят. Во множестве мест снег с дороги сгружают на тротуары. Удобно, практично, экономично: не надо вывозить снег, ведь тротуары — прекрасные места сбора снега. Всё-таки по дорогам на машинах ездят люди состоятельные, при постах и власти зачастую. Владельцы и сидельцы машин передвигаются по улицам поперёк: вышел из авто — и юркнул в нужный подъезд или контору. А пешеходы, которые ходят вдоль улиц, — люди бедные. Чего с ними считаться?

Нам на все лады расхваливают умения жителей Средней Азии расправляться со снегом и другим образом наводить порядок на улицах. Где, правда, они набрались опыта — не ясно. Именно азиаты в основном заняты благородным делом расчистки и уборки улиц северной столицы. Не помню, чтобы дворники счищали снег с тротуаров на дорогу, и оттуда бы не вывозили, оставляя пешеходам право лазить по снежным колдобинам. Ныне в Питере повсеместно снег сгружен вплотную к стенам домов, многие из которых оштукатурены. Что будет с краской и штукатуркой, когда снег стает?

Улица Оружейника Фёдорова в самом центре города, выходящая на Фонтанку — непролазная снежная засада: сугробы высотой с человека подбираются верхушками к окнам домов. Люди бредут по колее дороги. Если ты не на вездеходе или джипе, едва ли и проедешь. Судя по всему, бомжи, на вспомоществование которых в обустройстве улиц рассчитывала Валентина Матвиенко, не проявили расторопности и манкировали уборку улиц.

Полотна замерзших каналов, Мойки, Фонтанки идеально ровны, покрыты снегом. На Фонтанке у стоек мостов — незамерзшие прогалы — открытая вода. Здесь этакая колония, птичий базар: утки, чайки. Серой шейке было бы где пересидеть свой недуг, да ещё в приятной дружной компании. Весь лёд, что вокруг, занесённый снегом, истоптан: множество следов птиц, которые прохаживаются по своей нужде, смешно переваливаясь с боку на бок, от открытой воды у одной из стоек моста к другой.

А вот полотно Невы всё изрыто: водяные сугробы, торосы. Лед, занимаясь при первых морозах, чуть сковал реку, но был покуда слабым и не устоял под напором течения: оно взломало ледяной покров. Потом реку опять сковало, плывшие льдины, натолкнувшись на уже окрепший лед, так и остались стоять дыбом, этакими мини-айсбергами. Снег засыпал эти взломы, образовались сугробы, из которых торчат осколки льда. Сугробы на воде.

Преобразились соответственно снежной погоде памятники. Пушкин перед Русским музеем стоит почти по колено в снегу, на голове — высокая шапка из снега. Перед Михайловским замком конный памятник Петра I. На царственное облачение накинута и мантия из снега, конь — в снежной попоне.

…Поездка во Всеволожск, город, лежащий на "Дороге жизни", была незапланированной. И оказалась нечаянной радостью Очарование провинциальных русских городков щемяще: деревянные домики, особнячки за невысокими заборами, дворы полны деревьев, кустарников, обильные снегопады покрыли и дома, и деревья шапками, шалями. Сказочно. Неспешно идущие люди, скрипящий под ногами чистый снег... Направляемся в местный Дом культуры, куда приглашены на собрание музыкально-поэтического салона "Родник".

Вот уже 20 лет из нас калёным железом выжигают все живое, вынуждая думать только о куске хлеба, развивая животные инстинкты, внушая, что любая деятельность, не связанная с зарабатыванием денег, — это участь маргиналов. А люди пишут стихи! И не просто пишут, а собираются, читают друг другу, издают книжечки на свои деньги. Судя по всему, здешние любители поэтического слова — люди небогатые. И ради книг отказали себе, думается, и в самом необходимом, потому что испытывают необходимость поэтически выразить любовь к человеку и стране, радость, восхищение подвигом. Дух дышит, где хочет. Творчество прорывается чрез мрак безвременья. Трудно живущие, нелегко выживающие, люди пишут стихи очень светлые, оптимистичные. Словно уходят в некую лакуну, где добро и красота, беззаветность и нежность. Стихотворных шедевров не довелось услышать, но добротные строки, достойные внимания, звучали. И настроение улучшилось от той теплоты и открытости, с которой собравшиеся приветствовали своего коллегу и наставника, писателя-краеведа Николая Дмитриевича Солохина, которому исполнилось 80 лет. Он в свое время в местной газете, поощрявшей публикациями поэтическое слово, выпестовал немало поэтов, которые и пришли его почтить.

…Пожалуй, только в России в жизни человека может в течение часа произойти столько событий, родиться столько эмоций. Вот ты едешь по красивейшим величественным проспектам лучшего города земли, минуешь строгие грациозные мосты. Дух захватывает от мощи и великолепия. Затем выезжаешь на "Дорогу жизни", на каждом километре которой — памятный знак-столб. И скорбь, и гордость: не сдались, преодолели немыслимое. Пригороды подготовились к Рождеству, укрывшись снегом, который очень прихотливо, словно кусками ваты, лежит на деревьях. Все окрестности могут служить прообразом картины "Над вечным покоем". Такое умиротворение…

Вот въезжаешь во Всеволожск, выходишь из тёплого салона машины на лёгкий морозец, бредешь по тихим заснеженным улицам, затем попадаешь в уютный зал Дома культуры. И везде ты — не лишний: это твой город, хотя ты не родился здесь, не живёшь. Это твоя героическая история, хотя ты не был участником войны, беспримерный подвиг твоего народа, память о котором увековечена в камне. Это твоя природа, приглушённая красота которой тебе дороже всех Майорок и Лазурных берегов вместе взятых. Это твои соотечественники, которые благороднее и выше духом самопровозглашёной властной элиты, человечнее всех гуманистов, за ратованием о правах человека забывших про человека и его заботы.

Красота, спаси мир.

Екатерина ГЛУШИК

Газета «ЗАВТРА» зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-21796 от 7 сентября 2005 года

Учредитель и издатель – ООО «Редакция газеты-еженедельника «Завтра» (113054, г.Москва, ул.Б.Пионерская, д.28).

Адрес редакции: 119146, г.Москва,Фрунзенская наб., 18-60.
E-mail: zavtra@zavtra.ru ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ: http://zavtra.ru/
Тел.редакции: (495) 726-54-83. Служба распространения и рекламы: (499) 246-88-52 (т/ф).
Газета отпечатана в ООО Красногорская типография, г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 100 000

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

Приём посетителей в редакции — только по предварительной записи

Выпускающий редактор — Екатерина ГЛУШИК

Подписано в печать 11.01.2011 г. Заказ № 0017